

Михаил Позняк

СИЗЫЙ НОС

(Шнурок - 2)

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Михаил Позняк

СИЗЫЙ НОС

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Позняк М. В.

Сизый нос / М. В. Позняк — «ЛитРес: Самиздат», 2021

Прошло больше года после событий, описанных в книге «Шнурок». Джузеппе Богомазов жив и работает в небольшом научном центре в Карпатах, куда его отправили с условием никому ничего не рассказывать. Но что-то в окружающем мире неправильно, что-то в нем отсутствует. Только что именно? Вскоре он получит ответ на этот вопрос и будет вынужден действовать. Но сам он слишком далеко от места событий, и вместо него за дело возьмется парень из рабочего района, пьяница и неудачник, которым Джузеппе придется управлять, как куклой в театре марионеток. В книге мы снова встретим старых знакомых, так что она может с полным правом считаться девятой в серии «Волк и Призрак». Для обложки использованы фотоматериалы автора. Содержит нецензурную брань.

© Позняк М. В., 2021

© ЛитРес: Самиздат, 2021

Содержание

Глава 1. Весна в горах	6
Глава 2. Гурвинек	14
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Михаил Позняк

СИЗЫЙ НОС

Эй, друг!
Через годы, через мрак,
Одиночество и страх,
Меня слышишь?
(Пинк Флойд)

Глава 1. Весна в горах

В горах темнеет быстро, особенно в холодное время года. Казалось бы, только что еще светило солнце, отражаясь в капельках подтаявшего снега, но вот уже остались лишь пламенеющие в закатных лучах вершины, а с самого низу притихших долин поднимается все выше и выше холодный сумрак. До полной темноты оставалось совсем немного. Хрустя тяжелыми ботинками по покрытому подмерзающим снегом курумнику, Джузеппе Богомазов поднялся на небольшое относительно ровное плато между двумя пологими склонами, скинул с плеч объемистый рюкзак и огляделся. Вокруг было необыкновенно тихо и красиво: и белый нетронутый снег, и небольшой лесок из стройных елочек, а особенно – слегка подсвеченный оранжевыми лучами острый пик далекой горы, над которым уже зажигались в темно-синем небе первые звезды. Вынув из кармана коммуникатор, Джузеппе сделал несколько снимков, переводя взгляд с экрана на оригинал. Нет, чего-то не хватало, и даже мощный процессор, способный сделать из снимка самого криворукого фотографа шедевр, помочь здесь не мог. Что-то было не так, то ли с миром, то ли с сами Джузеппе.

Отстегнув от рюкзака пенку, он уложил ее на снег, а потом быстро воздвиг сверху удобную теплую палатку. Несмотря на уже наступивший месяц март, здесь, наверху, подтаявший за день снег прихватывало к ночи легким морозцем, да и ветерок с перевала был довольно бодрящим. Сунув руку в карман длинной горной куртки, Джузеппе чуть сдвинул регулятор вверх, поднимая температуру обогрева и начал разгребать снег, намереваясь устроить костерок. Пусть автономный термокостюм позволял спать на снегу даже без палатки, ему хотелось, чтобы было все по-настоящему. Поздний вечер, тишина, безлюдье, мерцающее пламя костра на ветру, на которое можно смотреть и не думать о проблемах... Проблем в жизни хватало.

Все началось сразу с того момента, когда он был выброшен из пространственного перехода с ножом в боку на Университетскую площадь города Твери. Проезжавшая мимо парочка студентов, румяный Петя и симпатичная Лотта приняли его за сотрудника Безопасности, раненого неизвестными злодеями, о чем и сообщили в Центральную диспетчерскую. А что они еще могли подумать, когда его первый вопрос был о том, состоялся ли саммит с Островитянами? Но все получилось, мир вернулся к своему нормальному существованию, вокруг вместо опустевших мертвых домов жил своей ночной жизнью полный людей город. Значит, Никола смог переключить машину, думал он, уже теряя сознание.

Джузеппе аккуратно сложил подобранный по дороге валежник конусом, сунул в середину таблетку растопки и довольно кивнул головой, глядя на разгорающееся пламя. Достал из рюкзака компактный складной стул, потрянул рукой, чтобы выскочили ножки, и устроился на нем спиной к палатке. Уже совсем стемнело. И ни единого звука на много километров вокруг. Взяв в руки короткий карабин-буллпап, он отстегнул пятизарядный магазин, чуть придавил пальцем патроны и защелкнул обратно. Встреча в это время года со злым голодным пещерным медведем представлялась событием маловероятным, но местные как один настаивали, что оружие надо иметь с собой обязательно. Да и ракеты из него запускать можно, если что случиться. В общем, всякое бывает, береженого Бог бережет и все такое прочее. Вот и пусть стоит, прислоненный стволом к натянутой стенке палатки, самое место. А мы пока чайку из термоса попьем да энергетическим батончиком закусим, на костер глядячи.

Видимо, будучи в забвении, раненый Джузеппе выболтал много лишнего. Во всяком случае, очнувшись, он обнаружил себя не в обычной больнице, а в каком-то странном госпитале, подозрительно напоминающем некоторыми аспектами его прежний секретный институт. Убедившись, что он способен членораздельно отвечать на вопросы, его начали посещать весьма корректные, но на редкость въедливые посетители, постепенно выудившие из него все подроб-

ности его приключений, начиная со злополучного вечера, испорченного отвратительными спагетти из вендингового автомата и заканчивая схваткой с рвущимися за Николой пришельцами. Периодически его возили на процедуры, которые, по словам врачей, должны были ускорить его выздоровление. Такие аппараты он видел впервые, но тем не менее, всё это было похоже скорее не на лечение, а на сканирование каждого сантиметра его тела, словно они пытались найти какое-то отличие Джузеппе от остальных людей. И снова вопросы, вопросы, вопросы. Как ни странно, собеседники вовсе не считали его сошедшим с ума самозванцем. Казалось бы, какая-токая обезлюдевшая планета после катастрофы, устроенной вероломными пришельцами из другой реальности? Кругом всё, как было – жизнь кипит, ничего не случилось, а нелепому выдумщику самое место в дурдоме. Оказалось, что нет, и это стало для него открытием. Как ни удивительно, но непонятно откуда эти ребята многое знали, хотя в рассказах Джузеппе их все время что-то не устраивало. Явно были какие-то расхождения между его рассказом и тем, что считали истиной они. В конце концов, излеченного от раны несостоявшегося тайного агента в один прекрасный день вызвали к некому человеку начальственного вида, который и объяснил ему, что ничего подобного с ним никогда не было, никого из прошлой жизни разыскивать ему не надо, и это не обсуждается. И вообще, ему нашли прекрасную работу по специальности в маленьком городке на границе с Германскими Землями.

Так он оказался в Научном центре Загорски, маленького старинного городка, неоригинально названного по начинавшимся прямо за ним предгорьям Карпат. Народ здешний был прост и безыскусен, являл собой традиционное для пограничных областей смешение славянской и германской культур, что немало отражалось и в бытовом языке. Столичный житель Джузеппе иногда даже терялся от местных речевых оборотов, оказываясь за пределами стен Научного центра. Тематика работы ему оказалась вполне знакома – дальняя космическая связь, из-за чего, собственно, центр и размещался подальше от больших городов и предприятий, засоряющих пространство ненужными помехами. А уж огромные антенны дальней связи находились еще выше, на вершине одной из гор. Без особого удивления Джузеппе обнаружил в центре некий сектор без названия, куда пускали лишь по особым пропускам. Опять какие-то военные разработки, всё, как и раньше. Он взялся за порученную работу, стараясь загрузить себя как можно больше и не вспоминать события предыдущего года, проведенного им, по сути, неизвестно когда и где. По выходным он бродил по городку, гулял в предгорьях, пробовал сытную местную кухню в трактирах, запивая неизменным светлым пивом или ротвейном. Жизнь шла тихо и спокойно, ни о каких чрезвычайных событиях не было слышно, словно наступила долгожданная эра созидания и мирного труда. И все бы хорошо, но со временем Джузеппе стал замечать некую странность, произошедшую, по-видимому, с ним самим. Мир казался ему пресным и блеклым, словно он смотрел на него сквозь мутное запыленное стекло. Краски расветов и закатов, запахи, вкус пищи были приглушенными, несмотря на все его попытки себя растормошить. Какое-то время он осторожно пытался выяснить, чувствует ли то же самое кто-то другой, но со временем махнул рукой. Во всяком случае, Вернер, его новый друг, если можно было его так назвать, ничего подобного не ощущал. Хотя и доложил куда следует, без сомнения. Собственно, дружить ни с каким Вернером Джузеппе не собирался, но тот так старался все время попадаться невзначай на глаза, помогать, принимать участие во всем, что он делает, что проще было принять эту игру как есть, чем получить в соглядатаи кого-нибудь похитрее. Не исключался и вариант, что слежка была на каком-то совсем другом уровне, а Вернер был лишь результатом местной самодеятельности, желавшей блеснуть результатами перед центром, или просто отвлекал на себя внимание, пока другие старались. Но и поднадоело за прошедшее время немало, появляясь именно тогда, когда Джузеппе больше всего хотелось побыть одному. Словно дьявол ему подсказывал: «Давай, давай! Именно сейчас ты нужен меньше всего! Звони, беги! Не теряй ни минуты!» К счастью, сейчас он валялся с жестокой простудой и компанию в горном походе составить не смог.

– Verpiss dich, Werner! – пробормотал Джузеппе местное ругательство и поправил прутиком начинавший разваливаться костер.

Вокруг уже сгустилась плотная, буквально осязаемая темнота, среди которой существовали лишь костер, Джузеппе на раскладном стуле и освещенный край палатки. Остальной мир исчез.

Ходила к нему местная красавица из лаборатории сверхпроводников, бросала заинтересованные взгляды, пыталась завязать разговор. Да и вообще, всячески старалась дать понять, что будет совсем не против, если молодой симпатичный пан Богомазов ее куда-нибудь пригласит. Скучно здесь по вечерам молодой женщине, приехавшей зарабатывать научный стаж из шумного Брно. Джузеппе реагировал на кареглазую фигуристую Божену так, как и полагалось сильному молодому мужчине, но некую грань переступить не мог. Он не знал, как это объяснить, но после того, что случилось с ним в поселке «людей солнца», вокруг него словно выросла незримая стена, отгородившая его от окружающих. Снова, как наяву, он ощутил отписавшую ему затрещину тяжелую руку Николы, спадающий с глаз морок, еле слышный крик указывающей на них Лорейн Сороки и неподвижные тела людей, поверивших проповеднику Аркадию. Лорейн, которую он так искал, и которая все это время служила даже не просто врагу, а абсолютному иномировому злу...

М-да уж, «Чем меньше женщину мы знаем, тем легче нравится она», как сказал классик позапрошлого века, известный поэт и бретер.

Костер потрескивал, разгоняя языками пламени темноту. Задумавшийся Джузеппе начал понемногу дремать, когда что-то случилось. Сколько он потом не вспоминал, ему так и не удалось определить тот момент, когда он понял, что напротив него кто-то сидит. Джузеппе попытался вскочить, включить фонарь, но не смог даже пошевелиться. Темная фигура шевельнулась, и костер осветил лицо молодого мужчины.

– Никола???

Нет, он спит, ему снится сон. Ему снится, что он в горах, а напротив него...

– Никола, ты жив! Как ты нашел меня здесь?

Пляшущие сполохи костра не позволяли разглядеть визави, казалось, что он висит в воздухе, не касаясь снега.

Никола кивнул, и на лице его появилась грустная улыбка:

– Здравствуй, Джузеппе. Нам очень нужно было тебя найти, вот я и нашел. Это было не так трудно.

– Выходит, ты выбрался оттуда? Где ты был все это время? – Джузеппе даже не заметил слова «нам».

Никола чуть заметно покачал головой.

– Нет, я не выбрался. Формально я лежу на полу перед пультом, где меня убил твой коллега Вонг. Рядом с его трупом.

– А... как же? Ведь все получилось? Кто же переключил машину?

– Помнишь, ты мне говорил про биополе планеты, про эгрегор? Всё это правда. Умирая, люди уходят туда. Кто-то растворяется в нем сразу, кто-то как личность существует еще какое-то время. Я пока еще есть, как видишь. Так же, как и некоторые известные тебе люди.

– Люди? – Джузеппе сразу подумал об отце, погибшем при взрыве самолета, и о матери, пережившей его всего на десять лет.

– Да. Профессор Шумецкий, преподававший тебе волновую физику. Он умер незадолго до того, как здесь всё началось. Он мне и подсказал, какие кнопки нажимать. Пульт сильно переделали после того, как ты его видел в последний раз, Джузеппе.

– Подожди, я запутался. Вонг, пульт, Шумецкий...

– Вонг уже начал переключать режим, когда появился я. У нас была схватка, но он меня убил. Я был уже почти мертв, когда эгрегор влил в меня силы, чтобы я смог закончить дело. Я убил Вонга и с подсказками профессора переключил машину.

– Вот оно как... – Джузеппе почувствовал, что у него поднимаются дыбом волосы под шапкой.

– Жаль, что мы все ошибались, – закончил Никола, – И ты, и профессор, и я.

«Я сплю, я точно сплю. Никола, который умер, но он жив, Шумецкий, Вонг... Так не бывает...»

– Слушай меня внимательно, Джузеппе, это очень важно. Мы не вернули мир к моменту до начала Катастрофы. Мы просто разорвали его на две части. Профессор говорил еще много чего, но это объяснение самое простое и понятное даже мне.

– Разорвали? Как это? Все своем месте, включая Островитян. Ты шутишь?

Никола вздохнул. Отблески огня временами выхватывали его непривычно застывшее лицо из темноты, но Джузеппе никак не мог сфокусироваться на нем. Глаза будто подернулись слезами, смахнуть которые у него не было сил.

– Представь себе, что мир – это страница в тетради, на которой записано о нем всё. И вот, на эту страницу пролили что-то сладкое и липкое, отчего она слиплась со страницей следующей, чистой. Но страница должна быть читаема, чтобы мир существовал дальше, понимаешь? И вот, мы начинаем их разлеплять...

– И часть текста остается на второй странице... – прошептал Джузеппе, – Так вот оно что...

– Так ты заметил?

– Теперь я понял, почему мне все кажется таким блеклым, словно выцветшим. Вкус, цвет, запах. Будто пересвеченный фотоснимок, где нет ни черного цвета, ни теней.

– Боюсь, там не только это исчезло. Но проблема даже не в этом. Всё, с чем мы с тобой столкнулись, осталось во второй части, «черной». И эти твари тоже все там, и они вовсе не сидят, сложа руки. Тем более что машину мы остановили, так что заниматься своим делом им больше не мешает ничего. Раньше им «черные грозы» хотя бы жизнь портили, теперь – нет.

– Ну и ладно, – хмыкнул Джузеппе, – Они там, мы здесь. Да пусть хоть сожрут друг друга, мне их несколько не жалко.

– Это ненадолго, дружище. Две части мира остановились и уже двинулись навстречу друг другу. Еще месяц – и они сольются. Вот тогда мир снова станет ярким и богатым на события. Только вряд ли ты этому сильно обрадуешься.

– Так надо скорее предупредить, сообщить в...

– Думаешь, не пробовали? Я же сказал, что часть информации осталась на той странице. В правительстве считают, что кризис благополучно разрешен, никакой опасности нет. Подробностей не знаю, но поверь, с этой стороны мы сделали всё, что могли.

– Ты хочешь, чтобы мы снова пошли туда? Вместе?

Никола снова грустно улыбнулся.

– Ты забыл, что меня нет, я убит и лежу перед пультом. А это – всё, что осталось от моей личности, и оно навсегда привязано к этому миру. Пока не растворится в нем окончательно.

– Ты хочешь сказать, что я пойду один? А что я должен буду там делать? И как я туда попаду?

– Отсюда – никак. Все связи между половинками оборваны, ни отсюда, ни сюда сейчас хода нет. Но мне кажется, что один шанс всё-таки есть. Только он очень непрост, я даже не уверен, что ты согласишься. Мне сказали, что существует один способ доставить тебя в мой родной мир. Там есть, кому рассказать нашу историю, особенно про общину под Витебском и то, что там с нами произошло. Я уверен, что они тебя выслушают с большим интересом и в долгу не останутся.

– Побывать на твоей родине? Да я всегда мечтал об этом! Конечно, я согласен! Стоп, а что не так? Я для этого должен буду умереть, что ли? Хотя, нет, тогда бы ты и сам смог...

– Если бы я смог... Я ведь даже сестру с днем рождения поздравить не успел, хотел ей букет белых роз подарить, как взрослой. Ладно, не в этом дело. Просто надо будет в незнакомой тебе Москве найти людей, которых я знал только под псевдонимами. Задача, да? Я могу тебе четко объяснить лишь то, как они выглядят и где их искать.

– Ну и ладно. Добуду ваш местный коммуникатор, разберусь уж, как-нибудь.

– Да нет там никаких коммуникаторов. Отстали мы от вас лет на пятьдесят в технологиях, а то и больше. Ты сможешь раздобыть только карту Москвы, да и то – слегка врущую, чтобы шпионов с толку сбивать. Да не смотри ты так растерянно, людей спрашиваешь, в конце концов. Готов запоминать?

Джузеппе растерянно моргнул. Никола внимательно посмотрел на него и кивнул каким-то своим мыслям.

– Тогда слушай. Первый ориентир – это завод «ЗИЛ», станция метро «Автозаводская». Там не промахнешься, он большой. Через него проходит железнодорожный путь. На завод тебя не пустят, но тебе и не надо. Идешь вдоль пути и высматриваешь металлический ангар с большими синими цифрами «51».

– А с какой стороны завода нужно искать? Справа, слева?

– Хм... – Никола поморщился, – Что-то с памятью моей стало... Автозаводский мост мы не переезжали, я бы заметил. Значит, слева.

– Так, а второй? Если там не найду, иду ко второму ориентиру?

– Самый центр Москвы, Покровский бульвар. Его пересекает бывшая Покровка, сейчас это улица Чернышевского. Идешь, заглядывая во дворы, там недалеко совсем. Ищешь трехэтажный скромный особняк желтого цвета. Вывески нет, но на входе охрана. Держись где-нибудь сбоку и смотри, кто входит и выходит. Рано или поздно ты этих ребят увидишь, тут я уверен. Или они – тебя, что скорее.

– Не очень-то конкретно. Ладно, а кого я должен найти?

– Профессор – высокий крепкий мужик в роговых очках, коротко стриженный, с залысинами. Волевой, решительный. Сразу видно, что не в кабинете всю жизнь штаны просиживал. Это раз. Теперь, те трое, что явно бывали в твоём мире – Иванов, Петров, Сидоров.

– Кто? – удивился Джузеппе, – Это как в анекдотах, что ли?

– Я же сказал – псевдонимы. Иванов – худощавый, рост выше среднего, поэтому кажется дылдой. Похоже, что по переходам главный спец – это он. Петров – молодой светловолосый мужик, сила и скорость так и прет из него, даже когда стоит. Реальный волчара. Увидишь – поймешь. И помощник у него есть – тот помоложе, но в остальном будто копия его. Я даже на миг подумал, что они братья, но нет. И третий, Сидоров, невысокий и бледный, просто прозрачный какой-то. Но при том заметно, что не хлюпик, жизнь он повидал. Они с Петровым могли быть раньше напарниками. Не спрашивай, почему я так решил.

– Мне кажется, что такое описание подойдет много к кому... – неуверенно сказал Джузеппе.

– Да, но скорее всего ты увидишь их вместе, кого-то с кем-то. Это увеличит вероятность обнаружить тех, кого нам нужно. Если ошибешься – ничего страшного, скажешь что из глубинки приехал, обознался. В Москве знаешь сколько таких провинциалов?

– Ну, ладно. Вроде бы я все запомнил. А сейчас что мне делать?

– Скажешь, что тебе нужно медицинское обследование. Тут хороших клиник мало, так что твое желание съездить в Мистельбах никого не удивит. Свяжешься с доктором Зильберманом, он запишет тебя на прием и объяснит, что делать дальше. Так, вот что еще, это важно... Ох, черт!

Никола метнулся к палатке, подхватил карабин и, не целясь, выстрелил в темноту.

Джузеппе потряс головой, несколько раз зажмурился и попытался встать с холодной земли, куда он свалился со стула. Со второй попытки ему это удалось. В ушах звенело. Итак, он заснул, видел странный сон про своего пропавшего друга, а потом, падая, зацепил карабин, правильно? И тот от сотрясения выстрелил. Вот только, с предохранителя он его не снимал и патрон не досылал, это стопроцентно. Ладно, сейчас разберемся...

Подхватив мощный фонарь, Джузеппе осветил вокруг и вдруг дернулся от ужаса, когда луч осветил глаза огромного тощего медведя-шатуна. Мертвого медведя, туша которого лежала за костром метрах в десяти. Содрогаясь от пережитого шока, он подошел поближе и уставился на одну единственную дырочку от пули, из которой уже почти перестала капать кровь.

«Вот, ну как же я удачно уронил карабин – прямо в медведя. Еще секунда – и он бы меня порвал. Но не сожрал, кажется, они среди зимы есть не могут, кишечник не работает... – мысли в голове метались, как мотыльки в стеклянном абажуре, – Да что я вру-то сам себе! Никола его и застрелил, одним выстрелом, он это может. Бред, бред какой-то!»

Подхватив карабин в правую руку, а фонарь в левую, Джузеппе обежал несколько раз вокруг палатки, шаря лучом по склонам, выхватывая из темноты то прогалины без снега, то редкие ёлочки. Несколько раз ему чудились странные фигуры, он вскидывал карабин, но всякий раз понимал, что испугался напрасно. Ни злых медведей, ни иных опасных визитеров не наблюдалось. Не было и ни малейших следов по другую сторону костра. Похоже, что он вообще был один на многие километры вокруг.

Немного успокоившись, он потушил последние рдеющие в темноте угольки костра, залез в уже прогретую термоэлементами палатку и задумался. Произошедшее казалось странным сном, результатом накопившихся усталости и раздражения, от которых начал избавляться мозг, оказавшись среди тишины и безмолвия гор. Гипотеза была хороша и удобна, вот только убитый медведь в нее не вписывался никак. Тем более что стрелок из самого Джузеппе, прямо скажем, был весьма посредственный. Так ничего не решив, он несколько раз на всякий случай выглянул из палатки, а потом завалился в спальник, пробормотав, что утро вечера мудренее. Видимо, свежий воздух подействовал как самое лучшее лекарство, потому что через полминуты он уже провалился в глубокий сон. Этой ночью его никто больше не побеспокоил.

Джузеппе проснулся рано, когда первые лучи рассвета только-только осветили вершины гор. С хрустом потянувшись и довольно улыбнувшись начинающемуся дню, он выскочил из палатки, намереваясь сделать зарядку. И застыл, наткнувшись на заиндевелую тушу медведя, из приоткрытой пасти которого торчали желтые оскаленные клыки. Выветрившееся за ночь из головы необъяснимое происшествие снова предстало перед ним во всей своей очевидности. Джузеппе потряс головой, затем обошел все кругом, но никаких новых следов обнаружил. Так ничего нового и не придумав, он добрал до ёлочек, где справил нужду, вернулся к палатке, протер руки и достал термос с остатками вчерашнего чая. Горячая духовитая жидкость немного прочистила мозги, и он вспомнил, что о застреленном звере необходимо сообщать егерю, дабы тот убедился в отсутствии факта браконьерства в своих угодьях. А куда звонить-то? Ничего, справочная подскажет... подскажет... А вот и фиг вам, а не справочная. На экране коммуникатора подрагивала единственная «палка» уровня сигнала, периодически сменяясь надписью «нет связи». Ну да, гарантированное качество приема, ниже определенного уровня работать не будет. Нет, если включить аварийный режим, то телефон помощь вызовет, работая в нештатном режиме и высаживая аккумулятор минут за десять. Но раз никакой беды с ним не случилось, в общем-то, делать это совершенно незачем. Тем более, что это не он в пещеру к медведю пришел, а в точности наоборот, так что самозащита это, господин егерь,

как ни крути. В общем, сейчас он спустится пониже, где будет уверенный прием сигнала, и сообщит координаты места происшествия. Решено, он собирается и идет.

Быстро скатав палатку в компактный рулон, Джузеппе притянул его ремнями к рюкзаку, сунул термос туда же в боковой карман, закинул рюкзак за спину и пошагал обратно по слегка оплывшим за ночь собственным следам.

Вниз – не вверх, выбирать путь не нужно, поэтому места для мыслей в голове оставалось с избытком. Джузеппе сам не заметил, как начал восстанавливать из памяти свой странный, почти мистический разговор с Николой. Каждую фразу он обдумывал по многу раз, перекачивая слова как шарик в пальцах, пытаясь уловить смысл, не понятый изначально. Он и сам не заметил, как сомнения в реальности разговора уступили твердой уверенности, что Никола действительно хотел предупредить его о чем-то важном. На миг ему показалось, что он снова один во враждебном мире без людей, и его охватил озноб. Остановившись, он оглянулся кругом и удивился, увидев, что задумавшись, дошел до самой дороги. Чуть впереди на небольшой площадке стоял его собственный угловатый внедорожник «Вандерер» темно-вишневого цвета, любимая машина жителей этого горного края.

Сев за руль, Джузеппе снова достал коммуникатор и уже собрался звонить егерю, когда сообразил посмотреть время. Да уж, сообразил, будить человека в несуетную рань – и зачем, спрашивается? Гораздо разумнее, раз он уже спустился, доехать до какого-нибудь кафе и позавтракать неспешно, а там и позвонить, как собирался. Ну, а после улаживания формальностей, найти новое, более удачное место для отдыха на оставшийся выходной день.

Джузеппе ткнул пальцем в иконку на коммуникаторе, и «Вандерер» ожил, из темного провала на панели всплыли нарисованные шкалы, на которых дрогнули и замерли стрелки. Мягко засветился экран компьютера.

– Покажи карту! – произнес Джузеппе.

На экране высветились слегка мультяшные горы, через которые проходили ниточки дорог, которые сходились, расходились, нанизывали на себя разномастные кляксы городов и деревень. Джузеппе отыскал ближайший значок в виде тарелки с ложкой и поехал в ту сторону.

Карта сдвинулась. На самой границе экрана, в глубине Германских Земель появилась надпись «Мистельбах». Джузеппе хмыкнул. Сегодня выходной день, но, наверное, рецепция должна работать, так что можно будет после завтрака позвонить туда и поинтересоваться существованием доктора Зильбермана. Если такого не окажется, значит это всего лишь сон, вызванный переменной обстановки. Следовательно, можно посмеяться над собой и жить дальше.

Дорога обогнула очередной скальный выступ, перебежала через мост и разделилась надвое у большого указателя на бетонном столбе. Налево – обратно в Загорски, он оттуда приехал. Направо – через горы и в Германские Земли. Как раз в сторону Мистельбаха, вообще-то. Джузеппе остановился перед указателем, разглядывая стилизованного германского орла, под которым шло перечисление всяческих Обер-Унтер-Аммергау и Шёненбрунненбанненфаннен-и-так-далее. Ситуация напоминала старинные рыцарские баллады: направо пойдешь – коня потеряешь, налево – жизнь. Или наоборот. Обычно у рыцарей все получалось самым удачным образом, но на то и сказки. Да и рыцарь из него – тот еще...

Он вытащил из кармана коммуникатор и повертел его в руках.

«Наверняка же отслеживают все мои запросы и разговоры, сволочи. Могут насторожиться, если я, никогда до того на здоровье не жаловавшийся, вдруг заинтересуюсь клиникой провинциального городка. Выйдут на этого Зильбермана, если он и вправду существует, нехорошо получится. С другой стороны, тут и ехать-то всего ничего...»

Джузеппе решительно вывернул руль и погнал мобиль в германскую сторону.

Дорога снова закрутилась между пустынных гор, поросших редким лесом. Периодически появлялись какие-то новые указатели, мелькнула электрозаправка с призывом отвезти лучшие во всей долине «pfannkuchen». Чуть сбоку остался прилепившийся к склону спящий

городок, а через десяток километров еще один, с колоколенкой посередине. Мелькнул плакат, приглашающий посетить фестиваль «Проводы зимы». Джузеппе зевнул, потрянул головой, взбадривая себя, затем включил радио. Компьютер замигал цифрами, нащупывая канал, пока не поймал какую-то местную станцию. Бодрый молодой голос диктора расхваливал какую-то музыкальную группу «Клабаутерманн», впервые в истории края попавшую в национальный хит-парад. Несколько минут Джузеппе без особого интереса выслушивал историю славного пути музыкантов и совсем уже собирался переключиться на что-нибудь поинтереснее, но тут диктор наконец-то объявил их шедевральный хит «Waldhütte».

«Хижина в лесу» – перевел для себя Джузеппе, готовясь услышать очередное «Холяри-трио, холяри – кукук».

На удивление, ребята грянули довольно мощно, пусть и в отчетливо германской манере. Текст описывал незамысловатый сюжет из чуть ли не ежегодно снимаемых триллеров: группа юных романтиков зачем-то решила переночевать в старом заброшенном доме, неожиданно оказавшемся очень даже обитаемым.

«Gespenster, Gespenster,
Shauen aus den Fenster!»

Привидения на них смотрят, значит. Джузеппе усмехнулся, вспоминая свои прошлогодние приключения. Вот уж точно, что жизнь богаче любых триллеров! Пускай он не Главный герой, а всего лишь Спутник главного героя, но и от него там зависело не так уж и мало.

А сейчас он, как герой триллера, должен увидеть в зеркале своего погибшего друга на заднем сиденье. Ужаснуться и все такое, как положено в таких случаях.

«Guck mal, guck mal, sie sind hier!»

Джузеппе посмотрел в зеркало и вдруг напрягся. Действительно там на границе видимости едет машина, или это только кажется? Нет, не кажется. И давно она там, интересно знать?

Он замедлил ход, ожидая, что случайный попутчик нагонит его, но едва заметная точка вдруг исчезла. Потом появилась вновь, на том же расстоянии. Джузеппе нервно нажал на педаль акселератора, рывком наращивая скорость. Столбики ограждения вдоль склона замелькали, сливаясь в сплошную полосу.

Джузеппе подвело отсутствие опыта езды в горах. Да и вообще, не стоило поминутно оглядываться, пытаясь разглядеть преследователя. Вход в очередной поворот он глупо пропустил, и когда закутил рулем, пытаясь сбить начавшийся занос, оказалось, что ему не хватает всего несколько метров. Отчаянно треща автоматом курсового контроля, мобиль пробил тяжелым бампером ограждение и вылетел с дороги. В глазах мелькнули темно-зеленые ели с шапками снега на ветвях, и все исчезло.

Глава 2. Гурвинек

Сознание возвращалось медленным пузырьком, всплывающим со дна океана. Сперва появился какой-то шум, на фоне которого стали проявляться отдельные звуки, складываться в слоги, отдельные слова и, наконец, осмысленные фразы. Глаза Джузеппе открыть не удалось.

– Нет, внутри я вас не пушу! Это отделение реанимации, а вы – простужены! Даже с медицинской маской не пушу! Смотрите на мониторе, ничего другого вы там все равно не увидите!

Возмущенный голос явно принадлежал врачу-германцу.

– Простите, но я и мои коллеги, мы все очень сильно волнуемся за херра Богомазова! Он уехал отдыхать в горы, а оказался тут, у вас, да еще и в таком состоянии! Как он к вам попал, если это не секрет?

«Вернер, чтоб тебя! Легок на помине!»

– Авария на горной дороге, херр Вернер. В это время года так бывает: подтаяло, подморозило, подтаяло снова. Дорожные службы не всегда успевают. Местные жители знают о коварстве мартовских дорог, но херр Богомазов не местный, правильно?

– Да, он очень ценный специалист, и мы гордимся, что смогли пригласить его в наш научный центр. Но что он мог делать в ваших краях в такую рань, ума не приложу!

«Вынюхивай, Вернер, вынюхивай. Всё равно не догадаешься...»

– Похоже, ехал на праздник проводов зимы в Вайсбруннен. Не бывали там? Советую посетить! Впрочем, я надеюсь, что херр Богомазов рано или поздно сможет сам рассказать вам обо всем, что с ним случилось.

– Надеетесь? Он что, настолько плох?

– Увы! Он сильно пострадал при аварии. Мобиль пролетел по склону около ста метров, прежде чем врезался в валун. Хорошо, что буквально следом за ним ехали егеря из Обердорфа, они его и вытащили, прежде чем загорелась топливная ячейка. Переломы, черепно-мозговая травма. Ваш друг в коме и мы не можем пока даже предполагать, каким он очнется. Но мы сделаем все возможное, наша клиника считается лучшей в области нейрофизиологии по эту сторону гор.

– Но может быть, херр доктор, нам лучше стоит...

Голоса отдалились и затихли. Джузеппе лежал, ощущая смятение чувств. Почему он ничего не видит? Может ли он шевелить руками и ногами? Очень хотелось попробовать, но раз доктор сказал – кома, значит лучше подождать, когда уедет Вернер. Но чтобы специалист не понял, что он давно в сознании? Странно ведет себя этот доктор, очень странно...

– Херр Богомазов! Я знаю, что вы меня слышите. Это я, доктор Зильберман, вы в клинике Мистельбаха. Не мне оценивать ваши действия, но вы выбрали невероятно опасный способ попасть к нам. Вышло очень правдоподобно, но вы получили сильные повреждения. Вашему, хм, товарищу херру Вернеру я сказал, что вас нельзя никуда перевозить минимум неделю, этого должно хватить. Вы не против, что я говорю с вами по-германски?

Джузеппе хотел кивнуть, но это оказалось очень больно. Поэтому он прошептал в ответ:

– Ja, bitte...

– Вот и хорошо. Сегодня мы вас подлечим, а завтра попробуем наладить процедуру перехода. Отдыхайте пока. Фиксирующий шлем вам нигде не давит? Без него пока нельзя.

Так вот, почему он ничего не видит! Джузеппе читал об этих устройствах, ускоряющих заживление травм головы. В зависимости от тяжести повреждений он мог закрывать всю голову целиком, но в его случае обошлось лишь верхней частью.

– Nah, gut. – его молчание доктор понял, как признание отсутствия проблем, – Настроечный файл для вас мне уже передали. Я не знаю, куда он вас перенесет, да и не хочу знать, чтобы не сболтнуть лишнего. Вы понимаете меня. Сейчас я вынужден вас оставить на попечение медсестер. Они не в курсе, для них вы в коме. Постарайтесь уснуть. Хороших снов, херр Богомазов.

Доктор ушел. Через некоторое время Джузеппе услышал легкие шаги, затем ловкие женские руки протерли его всего влажной салфеткой, проверили, удобно ли подключен аппарат удаления отходов жизнедеятельности. Одну, а затем и вторую руку слегка кольнуло, видимо подключили капельницы с лекарством. Матрас под спиной мягко завибрировал. Джузеппе лежал, обдумывая слова врача о переходе и настроечном файле. Вскоре он уснул.

Когда Джузеппе очнулся в следующий раз, его куда-то везли на каталке. Шлема на голове уже не было, в застилавшей глаза пелене мелькали плиты больничного потолка с редкими светильниками.

– Ему хуже, доктор сказал вести его на аппарат.

– Такой симпатичный, жалко будет, если не выживет...

Каталка свернула вбок, затем еще раз и остановилась под каким-то больничным агрегатом с целым водопадом свисающих кабелей, сплетавшихся в его все еще затуманенном сознании в странную безумную паутину.

Прикатившие его санитары вышли, через некоторое время дверь щелкнула снова, будто кто-то закрыл ее на ключ.

– Херр Богомазов, вы слышите меня? Это я, доктор Зильберман. Можете попробовать открыть глаза, только осторожно.

Джузеппе несколько раз моргнул, пытаясь сфокусироваться на невысоком лысоватом докторе. Рядом с ним стояла женщина лет сорока в белом халате и шапочке медсестры.

– Это Моника, можете ей доверять. Она со мной уже давно.

Женщина приветливо улыбнулась и ловко начала присоединять датчики на концах кабелей к голове и телу Джузеппе. Закончив, она кивнула доктору и вышла.

«Похоже, она с ним не только по работе давно», – подумал Джузеппе, глядя как доктор снова запирает за ней дверь.

Зильберман подошел к пульту, щелкнул переключателем, отчего аппарат загудел, и внимательно посмотрел на Джузеппе.

– Вам уже давали какие-нибудь инструкции? – вдруг спросил он.

– Нет, передача сорвалась, – честно ответил Джузеппе.

– Вот как... Я и сам не до конца понимаю, откуда это приходит и как работает. Да мне и не положено, наверное. Это у вас, агентов... Ну ладно, я отвлекся. Сейчас вы отключитесь и погрузитесь в искусственную кому – так будут думать все. На самом деле ваше сознание будет искать контакт по координатам, заданным файлом направления, пока не найдет совпадения. По сути, вы переселитесь в другого человека. Это опасно, через определенные промежутки я буду вас возвращать. Иначе вы однажды можете не вернуться, и тогда мы получим лишнее разума тело здесь и безумца где-то еще. Да, постарайтесь там не умирать, хорошо?

– Ja, klar... Я тогда умру и здесь?

– Нет, но придется вас лечить еще и от психоза. Люди обычно плохо переживают такие моменты. Извините, я знаю это лишь из короткой лекции, прочитанной вашим товарищем, когда он привез дополнительный блок к аппарату.

– Хорошо, я постараюсь.

Джузеппе не имел ни малейшего понятия, о чем говорит доктор, но раз уж он вписался в историю, отступать было поздно.

Доктор кивнул и защелкал клавиатурой пульта:

– Vertig... Vertig... Das alles.

Рука доктора поднялась над какой-то кнопкой и вдруг остановилась.

– Забыл один нюанс, простите. Вы сможете подключиться лишь к человеку со слабой силой воли и легко внушаемому, иначе он вас просто к себе не пустит. Понимаете? Такой может найтись не с первого раза. Ну что, пробуем?

– Да, начинайте, доктор.

Зильберман нажал кнопку и Джузеппе исчез.

Во всяком случае, самому ему показалось именно так – вот он лежит в отделении реанимации клиники в Мистельбахе, а вот его нет вообще нигде. Ни рук, ни ног, ничего вообще... Дикий ужас, паника... И словно удар, потрясший все его существо – тусклый свет пасмурного утра и оживленная улица с грохочущим вагоном городской железной дороги. Джузеппе замер, оглядываясь вокруг и чувствуя подступающие волны тошноты.

«Трамвай, это называется трамвай. Обычный трамвай на Авиамоторной улице» – всплыло откуда-то из глубины. Джузеппе оглядывался, недоуменно рассматривая автомобили, прохожих, здание с вывеской «Калининский райсовет». Неужели это мир Древних, откуда пришел Никола?

– А-а-а, кто это сказал???

Студент-второкурсник МЭИС Боря с ужасом озирался по сторонам. Даже сквозь дикую головную боль, преследовавшую его с момента пробуждения, просачивалось чувство чего-то непоправимого. Да еще и тошнило преизрядно. Вчерашний вечер вспоминался какими-то вспышками, от которых голова буквально взрывалась новой болью. Их компания уже полгода увлекалась психоделикой и раскрепощением сознания, согласно наимоднейшим западным веяниям. Никакого ЛСД, как полагалось по тру-канонам у них не было, да и быть не могло, но выход был найден почти моментально. Водка с циклодолом под «Железных бабочек» и «Самолет Джефферсона» уносили просто на ура. До вчерашнего вечера, когда Веник, загадочно ухмыляясь, достал из кармана какие-то новые таблетки. Оторвались они просто замечательно, но вот только...

Кажется, вчера они случайно вызвали Сатану, и теперь он пришел за Борей!

Борин взгляд метался меж спешащих по своим делам прохожих, пытаясь высмотреть среди них зловещую фигуру. В голове эхом звучали страшные слова про Древних, пришедших в мир или того хуже.

На плечо трясущегося Бори опустилась чья-то рука:

– Молодой человек, не подскажите...

Это оказалось последней каплей, сорвавшей с болтов измученный галлюцинациями разум студента: дико заорав от ужаса, Боря кинулся через дорогу, с трудом увернулся от бампера грузовика и оказался на рельсах прямо перед начавшим разгон от перекрестка трамваем 37-го маршрута.

Джузеппе очнулся, его трясло. Сердце колотилось, словно пыталось покинуть грудную клетку. Наконец, переведя дыхание, он начал успокаиваться, глядя на колышущийся облаком белый потолок и нависшее над ним луной озабоченное лицо доктора Зильбермана.

– Was ist los? – доктор снова перешел на германский.

– Студент – эзотерик, нейролептиков перебрал. Почувствовал меня и решил, что самого Темного вызвал. Пришел в такой ужас, что чуть под трамвай не попал. Я надеюсь, что не попал. – Джузеппе попробовал улыбнуться, но губы были как деревянные.

– Куда не попал?

– Unter der Strassenbahn, – вспомнил нужное слово Джузеппе, – Надо быть осторожнее в следующий раз. Давайте продолжим, херр доктор.

Зильберман с сомнением посмотрел на него, но снова занял место за пультом. Во второй раз Джузеппе уже знал, что его ожидает, и переход перенес гораздо легче.

Сначала ему показалось, что ничего не вышло – та же койка, белые стены. И только увидев свои руки, он понял, что это уже не Мистельбах. Вместо привычных мускулистых предплечий на одеяле лежали тощие высохшие ручки, испещренные точками уколов на месте давно спрятавшихся вен. Час от часу не легче...

– Сынок, как ты себя чувствуешь, сынок?

Валерик поднял голову, посмотрел на родителей, и у него задрожали губы. Папа, подтянутый, с уже заметной сединой, в своей генеральской форме – значит, прямо со службы приехал. И мама, такая красивая и стройная в свои сорок лет. В их глазах столько боли... Но это видел Джузеппе, а Валерик думал совсем о другом.

– Как же ты напугал нас, сынок! Нельзя же так! – мама подошла поближе и поправила сползшее набок одеяло, – Но ты жив, и это для нас самое главное! Мы обо всем договорились, за тобой будет присматривать самый лучший доктор. В университете тебе оформили академический отпуск. Отдохнешь, подлечишься, вернешься на учебу, никто ничего не скажет. Мы тебе уже место нашли хорошее, в Центральном комитете Комсомола...

Мамин голос убаюкивающе струился, но Валерик видел, как подергивается щека отца, который явно хотел бы сказать совсем другие слова. И этого Валерик боялся больше всего. Какой бывает отец в гневе, он видел не раз, и даже мама не всегда могла его остановить. Да, для всех он был за отцом, как за каменной стеной, но что бывало потом, когда они оставались наедине...

Валерик вздрогнул, почуяв движение краем взгляда, будто по кровати пробежал большой волосатый паук. Начинается, начинается... Нужен укол, но как сказать, когда на тебя смотрит отец? В дверях мелькнули и исчезли смутные тени. А справа, прямо на подоконнике... На подоконнике уже сидела темная фигура с узкой вытянутой мордой и большими кривыми зубами, оскаленными в злобной улыбке. Длинные руки с костлявыми пальцами потянулись к кровати, где лежал застывший от ужаса Валерик. Мама, папа, вы что – не видите его? Папа, убей его! Убей! Убей!

Джузеппе потряс головой, словно пытаясь вытряхнуть из ушей все еще бившийся там крик обезумевшего Валерика. Опять неудача. Зильберман подошел и протер ему лоб бумажной салфеткой.

– Как вы? Что-нибудь получилось?

– Плохо получилось. Мальчик из «золотой молодежи», да еще и наркоман в придачу. В ближайшее время его из клиники точно не выпустят, а то и к кровати привяжут.

– Да уж, не везет нам что-то. Давайте на сегодня закончим, а завтра...

– Подождите, доктор! У нас говорят, что третий раз – решающий. Если и тут не получится, значит, сегодня плохой день для путешествий.

– А сил у вас на это хватит? Хотя, если шутите, то силы есть. Ладно, только это будет сегодня точно последний раз, и не уговаривайте!

Доктор Зильберман посмотрел на устраивающегося поудобнее на кровати Джузеппе и снова встал за пульт.

Толик Гуров с мычанием разлепил опухшие глаза и уставился на циферблат будильника. «Десять утра! Проспал!»

Но тут же вспомнил, что спешить ему уже никуда не надо – вчера его уволили с работы в очередной раз.

Вокруг стояло хмурое утро. Тусклый свет из давно немывтого окна освещал грязноватую комнатку с дощатым столом, порезанным многократно ножом в неловких руках, полную окур-

ков вырезанную из полена пепельницу, пустые бутылки, консервные банки с зубасто вскрытыми крышками и одиноко засыхающую на столе горбушку хлеба. Кажется, вчера они от души отметили очередной поворот Толиковой судьбы. Только вот кто с ним был, и чем всё закончилось – не вспоминалось совершенно. Да и ладно, не впервой. Дома же, не в обезьяннике проснулся. А отчего он проснулся? Вроде бы в дверь ломится кто-то?

Дверь снова затряслась от мощного стука:

– Эй, Гурвинёк! Открывай! Дрыхнешь, что ли? Неужели, ушел? Вот, придурок...

Дверь не хотелось открывать совсем. Тем более, что за ней стоял сам Витя Кольщиков по прозвищу «Кол», и какого черта ему было надо, Толик выяснять не собирался. Тем более, что фантазия на всякие дурные дела у Кола была богатая, а в то, что он придумывал, он тут же начинал свято верить. Возражать ему было бессмысленно, да никто обычно и не рисковал.

– Ты что орешь, окаянный! Да его может, и дома-то нет! На работе он! И ты тоже – иди себе, делом займись! Вот, участковому расскажу, как ты в двери ломишься!

Соседка тетя Клава была давно на пенсии, но неугомонный нрав ее никуда не исчез, заставляя вмешиваться во все происшествия, случавшиеся в доме и его окрестностях. А приобретенная к старости глухота позволяла не слышать реплик в свой адрес и трактовать любые ответы в меру своего разумения.

Связываться со старухой Кол не стал, и на лестничной клетке воцарилась тишина. Толик встал с продавленного дивана, где на полочке давно уже не было никаких семи слонов, прошлепал на кухню и долго пил из-под крана, периодически опираясь на жестяную раковину с крупными сколами эмали. Наконец, ему стало лучше. Вернувшись в комнату, он хотел пройти к столу, но остановился у зеркала, одной из немногих вещей, оставшихся от матери. Из тусклых глубин на него смотрела опухшая лопухая физиономия с носом-картошкой, мелкими серыми глазками и торчащим чубом чуть вьющихся русых волос. Вот такой вот Толик, Москва, 1-я Дубровская улица, возраст около тридцати лет, без паспорта точнее и не скажешь. Рано спившийся веселый человечек Гурвинек.

День был сер и мрачен, в бутылках и банках – пусто, за стеной завывало радио, включенное тетей Клавой как всегда на полную громкость: «Ле-енин! Всегда с тобой! Ле-енин! Всегда живой!» Толик попытался разгрызть горбушку, особо в этом не преуспел и сидел, повесив нос от жалости к самому себе.

Внезапно для себя он встал, натянул пузырящиеся на коленях брюки, поискал и нашел в шкафу не слишком дырявые носки и почти чистую байковую рубашку. Не очень понимая, зачем он это делает, порывлся в потертом пиджаке, выудил темно-зеленый паспорт старого образца (в голове почему-то промелькнули непонятные «айди» и «аусвайс»), и пролистал его. С фотографии на него глядел еще вполне симпатичный юноша с немного растерянным выражением лица. Толик вздохнул, убрал паспорт обратно в карман и надел на себя пиджак. Проблема была в том, что никаких денег в кармане он не обнаружил, несмотря на то, что должен был получить их вчера под расчет. И остатки пиршества на столе тоже не отличались роскошью. Все это наводило на всякие нехорошие мысли, углубляться в которые Толик не захотел, чтобы не расстраиваться окончательно. Но идти на улицу было надо, он отчего-то знал это совершенно точно. Идти на улицу, а затем куда-то ехать, и это было очень важно.

Взгляд наткнулся на две пустые бутылки из-под водки, и лицо его просветлело. Это же целых двадцать четыре копейки! Вот и жизнь начала налаживаться. Порывшись в тумбочке, он выудил сетку-авоську, пристроил туда бутылки и вышел в прихожую. Там он оделся в желтую болоньевую куртку с немного порванным рукавом, нахлобучил на голову кепку-хулиганку и вышел из квартиры.

Ну надо же, тетя Клава была тут как тут, словно специально его караулила. А может, так оно и было, кто ее знает...

– Толенька, а что это ты дома? Во вторую смену работаешь? – взгляд ее скользнул с опухшей физиономии на сетку с бутылками, и выражение лица изменилось, – Опять выгнали? Снова с дружками прогуливал? Да что же ты как бычок на веревочке – куда потянут, туда и пойдешь! Вот, в кого ты такой? Нюра, покойница, упрямая была, все в люди тебя вывести старалась, а отец твой, так вообще... Эх ты!

Пригнув голову, Толик потрусил вниз по лестнице. Возразить было нечего. Мамка старалась, шпыняла, от компаний дурных отваживала, да только вот померла она два года уже как. А отца своего он так никогда и не видел, хотя дворовых баек и легенд наслушался про него преизрядно.

В то послевоенное десятилетие Москва активно строилась, возвращались из эвакуации заводы и фабрики, рабочих рук постоянно не хватало. Среди приехавших попытать счастья в столице была и его мать, деревенская девушка из Ивановской области, невысокая круглолицая крепенькая Нюра. Девушкой она была бойкой, быстро нашла себе место на вновь заработавшем заводе шарикоподшипников, а там и начала задумываться, как обустроить личную жизнь.

Мужчин было мало, не до капризов, и подружки вокруг нее выскакивали замуж без долгих раздумий, было бы за кого. Но Василий... Когда Нюра увидела его в первый раз, с медалями на пиджаке, с заливчатским чубом, с улыбкой, от которой чуть не падали без чувств местные красавицы, она сразу поняла – вот она, ее судьба! И тогда она взялась за дело с такой основательностью, что уже через месяц Василий вдруг обнаружил, что симпатичная крановщица с завода непонятно как стала частью его жизни – и слушает его как никто, и подпекает его песням под гармонь, и даже сама провожает его после «встреч фронтовых товарищей» в общежитие, куда он сам мог бы иной раз и не дойти. Так же бдительно оберегала она его от внимания других женщин, но этого Василий не замечал. И когда, неожиданно зарыдав, Нюра дрожащим голосом сообщила ему о будущем ребенке, Василий неожиданно для себя сдался и даже сам предложил пожениться. Все уже шло к свадьбе, когда он решил напоследок гульнуть с друзьями, помянуть холостую жизнь.

Утром Нюру вызвали в милицию, где за решеткой сидел понурившийся Вася. Она думала, что его выпустят прямо сейчас, или через пятнадцать суток, в крайнем-то случае. Но все оказалось гораздо хуже. Василия пытался остановить наряд милиции, но выиграла в нем удаль молодецкая. Не справились милиционеры с бывшим разведчиком – одного отвезли в реанимацию, второй отделался переломами. Васю скрутили спешно вызванные волкодавы из убойного отдела, так что прощать ему никто ничего не собирался. Вот и уехал Вася на народные стройки Сибири, где и затерялся с концами на ее бескрайних просторах. А у Нюры в срок родился мальчик Толик, такой, какой уж получился...

Задумавшийся Толик с размаху вцепился во что-то тяжелое и жесткое, а когда поднял глаза, испуганно икнул, столкнувшись с нехорошей улыбкой на лице Кольщикова.

– Гурвинёк! Легок, как на поминках! – еще шире осклабился тот, – Только подумал – а вот он и ты!

Толик кивнул головой, все еще не понимая причины радости от этой встречи.

– Или ты забыл? – наклонив голову, прищурился Кол.

– Ээээ... Что забыл?

– Что ты мне со вчера рубль должен. А если должен – отдавай! – торжественно подытожил Кольщиков.

Толик аж рот раскрыл от изумления. Вот хоть бей его дрыном по башке, не было вчера Кола среди отмечающих его вылет с работы. Да и представить себе, чтобы тот по своей воле хоть что-нибудь купил из горючего сам, на такое не хватило бы воображения даже у знаменитого автора фантастических книжек Александра Беляева. Но возражать он не решился.

– Я это...

Толик хотел сказать, что непременно, обязательно, конечно он отдаст этот несчастный рубль, когда у него появятся хоть какие-нибудь деньги. Но Кол уже увидел неудачно спрятанную за спину сетку с бутылками.

– Чего это ты там прячешь? Хм. Не, этого не хватит. Но ты же парень не промах, да, Гурвинёк? Поищешь, и найдешь, кто бутылку возле урны оставил. Одна старушка – двадцать копеек, а пять – целый рубль!

Где Кольщиков подцепил это выражение, не смог бы объяснить и он сам. Но оно ему нравилось, и он любил употреблять его к месту и не к месту.

– Кол, я отдам... – снова начал было Толик, но тот неожиданно взъярился:

– Кому Кол, а тебе – Виктор Иванович, понял?

Толик испуганно закивал, а Кольщиков, вдруг расхохотавшись, натянул ему кепку на нос.

– Бывай, Гурвинёк! Жду тебя через часок!

Снова кивнув, Толик потрусил в сторону улицы, стараясь не оборачиваться. Никакие бутылки он искать не собирался, искренне надеясь избежать дальнейшей встречи с Колом, а что будет потом – он обычно так далеко не загадывал.

Выйдя на тротуар 1-й Дубровской улицы, он огляделся с каким-то новым для себя интересом. Вроде всё своё, родное – и стекляшка «сотого» универмага вдали, и гремящие трамваи на Крутицком валу, и Лизинский путепровод – а вот поди ж ты! В голове мелькнули картины незнакомого города из невысоких кирпичных домов с тенистыми дворами, с тихими парками вдоль Яузы, Москвы-реки и Северного канала и исчезли, оставив чувство щемящей тоски. Где он видел их, может во сне?

А вокруг была поздняя весна, все еще не решающаяся перейти в лето, с пробивающимися на свет листочками чахлах городских деревьев, с незамеченной дворником грязью по углам, которую скоро смоют вместе с другими следами ушедшей зимы первые ливни.

Толик сунулся в магазин, где принимали бутылки, но с ужасом услышал страшные слова, что нету тары. Впрочем, его там знали, и его невеликий груз все же приняли, пусть негласно и по более дешевой цене. Во всяком случае, деньги на транспорт у него теперь были, и он мог удовлетворить неясное зудящее желание куда-то ехать. С чего это ему надо было тащиться сперва на ЗИЛ, а потом куда-то в центр, он не имел ни малейшего понятия, списывая странные желания на похмелье.

От Крестьянской заставы с гулом вырулил троллейбус 26-го маршрута, и Толик привычно запрыгнул на заднюю площадку. Сунул руку в карман, выудил четыре копейки двумя монетами, но сразу кидать в щель прозрачного купола кассы не стал – если контролеров нет, то и незачем. Троллейбус закрыл двери и покатился через Лизинский путепровод, где когда-то железнодорожный путь от основных магистралей разделялся на Лизинскую и Симоновскую ветки. Как ни удивительно, название это появилось отнюдь не из-за какого-нибудь местного героя революции Лизина, не было такого персонажа в природе. Ветку построили значительно раньше, и заканчивалась она возле пруда, где писатель Карамзин жестоко утопил свою «бедную Лизу». Станцию по этому пруду и назвали, собственно. Потом за ним построили завод АМО, превратившийся позже в ЗИЛ и поглотивший окрестные территории. Лизин пруд тоже скоро исчез, на его месте воздвиг свой новый корпус завод «Динамо». А город после войны начал расти, застраивать новыми домами бывшие пустыри, и вскоре Лизинскую ветку разобрали. Осталась одна Симоновская, пересекавшая под прямым углом Симоновский вал и заканчивающаяся на берегу Москвы реки, на территории нефтебазы, построенной еще компанией Нобилия. Все эти сведения Толик излагал полупшепотом, глядя в запыленное окно с еле видной надписью "«скоро лето», и удивляясь неожиданно всплывшим знаниям аж времен школьных уроков. Слева остался Дворец культуры 1-го ГПЗ, недавно построенный вместо старого тесного ДК, а улица шла дальше, к Южному порту, где унылыми птицами склоняются над рекой пор-

товые краны. Но троллейбус свернул уже направо, по Новоостаповской улице пересек Велозаводскую, выехал на Восточную, высадил пассажиров возле завода «Динамо», и наконец оказался возле громадного завода имени Лихачева.

Толик вышел, оглядываясь по сторонам. Место это он знал прекрасно, но почему-то в этот раз сильно сомневался в том, куда ему нужно идти. Проходная была дальше, отдел кадров – тем более, да и что бы он там делал, если трудовую книжку все равно забыл дома? Тем не менее, он обошел завод слева и пролез через какие-то щели к путям Малого кольца железной дороги. В голове крутился какой-то ангар под номером 51, который зачем-то Толику был очень нужен. Или не Толику? Он уже начал сомневаться в самом себе и даже несколько раз твердо и вслух пообещал больше водку не пить. Ну, или хотя бы не в таких количествах. И даже в этот тысяче-какой-то раз обещание сдержать. Но тут, среди рядов безликих гаражей, он вдруг наткнулся на железное сооружение, слегка напоминавшее ангар. Он подошел поближе, пытаясь прочитать давно поблекшую от непогод надпись «База № ...». Почему-то его это обрадовало, осталось лишь подойти к воротам с большим ржавым замком и постучаться в прорезанную в правой створке дверцу.

Внутри долго было тихо, потом еле слышно залаяла собака, и дверь распахнулась. Выглянувшая оттуда старуха напоминала Бабу Ягу из фильмов Роу, даже бородавка на носу имелась.

– Чего надо? – негостеприимно поинтересовалась ведьма.

В голове Толика промелькнуло полузабытое насчет «накорми, напои, да баньку истопи, а затем и пытай добра молодца», но вместо этого он спросил:

– Я профессора ищу. Он здесь?

– Кого??? Иди проспись, пьянь! Ходюте и ходюте, а чего ходюте – сами не знают...

Бабка с грохотом закрыла дверь, не дав Толику объясниться. Да и что бы он ей сказал, на самом-то деле? Наверное, Никола ошибся... Стоп, кто? Какой еще...? Толик потряс головой, отгоняя наваждение. Нет, так нельзя. Сейчас он вернется домой и выспится. Еще бы пожарть, конечно, неплохо. Только на что? В столовой, что ли, хлеба натырить?

Под эти печальные рассуждения он шагал по улице, не глядя по сторонам, пока не обнаружил себя на площади возле метро «Автозаводская». Во, куда дошагал. А мог бы и у завода на троллейбус сесть. Метро настойчиво напоминало своим существованием о невыполненной задаче, и как Толик ни гнал от себя эту мысль, уходить она не желала. А вокруг куда-то спешили люди, дымил трубами завод. Весенний ветерок временами приносил откуда-то запах, вызывавший слюноотделение и судороги в пустом желудке. Чебуреки, точно, вон же их продают!

Толик выудил из кармана мелочь и пересчитал, подспудно надеясь, что денег каким-то чудом окажется больше. Не, не хватит... Он с завистью посмотрел на парня, который стоял с букетом под мышкой и собирался надкусить только что купленный чебурек. Ну вот чего он стоит с такой кислой рожей, будто лимон жрет, а не этот вкуснейший, замечательный, ароматный... Неожиданно парень заулыбался, да просто – расцвел, отложил чебуреки в сторону и побежал, размахивая букетом, навстречу вышедшей из метро девушке в модных сапожках.

Вот же чудило! Толик бочком-бочком придвинулся к одиноко лежащим в серой бумаге чебурекам, подхватил их и так же тихо слинял на дальнюю скамейку. Какая вкуснотища! Его не смутил даже пролившийся в рукав бульон. Лицо само собой расплылось в благодушной улыбке. Хорошо-то как! Счастливый Толик встал и пошел к метро.

«Какое красивое у них тут метро...» А, что? Кто это сказал??? Толик растерянно озирался по сторонам. Бульвар, трамваи едут... Он, вообще, где? Нет, в его безалаберной жизни случилось просыпаться где-нибудь на лавке в Нагатино, но чтобы вот так, среди бела дня? Последнее, что он помнил, был чебурек на Автозаводской. А дальше? Так вот она какая, белая горячка... Дядя Митяй из соседнего подъезда тоже рассказывал о каких-то голосах, говорив-

ших ему что делать. Толик не очень-то верил, а вот поди ж ты... И не спросишь теперь Митяя, в дурдоме он, надолго и плотно. А сам он уже зачем-то идет по улице, заглядывая в подворотни.

Толик и впрямь не понимал, что он делает. Зачем он заходит в каждый двор, оглядывается по сторонам, а потом бредет дальше. Что он тут ищет? Где-то ему предлагали выпить на троих, узнав родственную душу, какие-то хулиганы собирались побить, но отстали, не получив никакой реакции на их подначки. Толик упрямо шел, не обращая внимания ни на что, кроме своей далекой неведомой цели. Несколько раз он заглядывал в подъезды трехэтажных бледно-желтых домов, но внутрь не заходил, лишь досадливо махал рукой, не найдя нужных примет.

Он уже почти отчаялся, когда в очередном подъезде его остановил усатый пожилой старшина милиции, сидевший у входа за небольшим столиком.

– Вы куда, гражданин?

– Э... А разве жилконтора – не здесь? – ляпнул Толик, чувствуя одновременно ужас и облегчение.

– Нет, Вы ошиблись. Вам нужен следующий переулок.

– Спасибо!

Толик выскочил на улицу, ибо общаться милицией он, по понятным причинам, не любил. Теперь надо было лишь убедиться в том, что... Что он именно там, где надо. Он завернул за угол соседнего дома и остановился, поглядывая на хорошо видный отсюда подъезд. Несмотря на всю нелепость предыдущих своих действий, откуда-то вдруг появилась уверенность в том, что сейчас произойдет что-то важное.

А домик действительно был непростой – все окна занавешены, не разглядишь, что внутри. И никто не входит и не выходит в него... А, нет – вот подъехала Волга, и из дома сразу выскочил вертлявый парень, открывая дверцу солидному пожилому мужчине в сером костюме. Потом снова затишье, во время которого Толиком понемногу начали овладевать нехорошие подозрения в том, за конторой какого ведомства он сейчас наблюдает. Да-да, именно Конторой. И неплохо бы было побыстрее отсюда смыться, пока на плечо не опустилась крепкая рука вместе с неминуемым вопросом о его неуместном интересе к этому непримечательному зданию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.